

Годъ 3-й.

Кн. XI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

До настоящаго времени всѣ почти авторы, писавшіе о киргизахъ, единогласно утверждали, что киргизы настолько мало знакомы съ основами своей магометанской религіи, что почти не знаютъ никакихъ молитвъ, не соблюдаютъ постовъ, а если и соблюдаютъ, то весьма немногіе изъ нихъ, да и то неаккуратно, или только для виду; значенія присяги киргизы не понимаютъ, многіе даже будто бы не знаютъ имени своего пророка. Другіе авторы сообщали даже, что киргизы не принадлежать ни къ какой религіи, такъ какъ многіе изъ нихъ сами не знаютъ, къ какой религіи себя причислить (Костенко). Венюковъ и Миропіевъ говорятъ, что среди киргизовъ развито шаманство; другіе писали, что у нихъ сохранились еще слѣды огнепоклонничества, и т. д. Всѣ эти отзывы относятся главнымъ образомъ къ киргизамъ, живущимъ въ глубинѣ Средней Азіи, т. е. въ Туркестанскомъ краѣ, Семирѣченской области и около границъ Китая, и въ общемъ они вѣрны. Изъ позднѣйшихъ путешественниковъ г. Красновъ нашелъ уже семирѣченскихъ киргизовъ магометанами-фанатиками, хотя д-ръ Зеландъ, *) только за годъ съ небольшимъ до путешествія Краснова напечатавшій свою работу о тѣхъ же киргизахъ, между прочимъ писалъ: „эти киргизы равнодушны къ догматическимъ вопросамъ своей религіи и мало съ ними знакомы. Главные обряды впрочемъ исполняютъ, творять молитву по мусульманскимъ правиламъ и держатъ

*) Киргизы. Этнологическій очеркъ. Записки В. Сибирск. отд. Импер. Рус. Геогр. Общ., кн. VII, вып. 2. 1885 г.

большіе посты, тоже впрочемъ не всегда, неаккуратно. Муллы хотя есть въ степи, но ихъ мало и они малограмотны. Мечетей очень мало“. „Киргизы Букеевской орды, говоритъ А. Н. Харузинъ, также плохіе магометане, особенно простой народъ“. Личныя наши наблюденія также приводятъ къ тому заключенію, что семирѣченскіе киргизы еще и въ настоящее время плохо знакомы съ кораномъ; они сами говорятъ, что муллы появились среди нихъ не болѣе 15—20 лѣтъ тому назадъ, до того же времени они знали о нихъ только по наслышкѣ, а также корана писаннаго или печатнаго и другихъ какихъ либо книгъ религіознаго содержанія ни за что нельзя было найти. Если теперь мечетей и муллъ еще мало, то уже нерѣдкость по крайней мѣрѣ встрѣтить въ аулѣ коранъ или какую нибудь книжку религіознаго содержанія, занесенную торговцами изъ сартовъ или татаръ. До водворенія господства русскихъ здѣшніе киргизы находили удобнымъ обходиться безъ ученія Магомета и въ коранѣ его не нуждались, но съ приходомъ русскихъ они сочли почему то необходимымъ примкнуть къ мусульманству, — такъ по крайней мѣрѣ приходилось слышать отъ здѣшнихъ старожиловъ-киргизовъ, что согласуется и съ отзывами тѣхъ авторовъ, которые говорятъ, что болѣе быстрому переходу киргизовъ въ мусульманство способствовали сами русскіе. Такимъ образомъ, какъ при помощи письменныхъ свидѣтельствъ, такъ и на основаніи устныхъ разспросовъ, приходится установить фактъ, что магометанство среди здѣшнихъ киргизовъ стало распространяться сравнительно недавно, а потому оно, казалось бы, и не могло еще глубоко войти въ плоть и кровь ихъ въ теченіе столь незначительнаго времени, хотя а priori это казалось бы и такъ; но разъ магометанство официально сдѣлалось господствующей религіей, то его тѣмъ самымъ уже слѣдуетъ признать твердо установившимся. И дѣйствительно, ученіе это на глазахъ нашихъ незамѣтно, но постепенно все глубже и глубже проникаетъ въ душу киргизскаго населенія. Насколько въ послѣдствіи намъ выгодно будетъ имѣть дѣло съ населеніемъ, проникнутымъ мусульманскимъ духомъ, — это вопросъ другой.

Такъ какъ мусульманство среди здѣшнихъ киргизовъ ста-

ло распространяться недавно, то въ настоящее время еще легко въ ихъ вѣрованіяхъ подмѣтить два слоя: одинъ—это остатки старинной или языческой религіи, другой—новѣйшій, мусульманскій, причемъ послѣдній начинаетъ брать значительнѣй перевѣсъ, благодаря тому, что одними изъ главныхъ проводниковъ мусульманства являются татары и сарты, ведущіе постоянно мѣновую торговлю съ здѣшнимъ киргизскимъ населеніемъ и отличающіеся большимъ фанатизмомъ, особенно сарты. Эти хитрые и скромные по виду агенты мусульманства проникли во всѣ отдаленныя киргизскія волости и аулы и пользуются тамъ среди населенія немалымъ вліяніемъ, какъ лучшіе знатоки мусульманскаго ученія. Пропаганда эта ведется постепенно и незамѣтно, но настойчиво.

Указанныя два противоположныя вліянія въ жизни киргизовъ не ускользали отъ наблюденія нашихъ лучшихъ изслѣдователей, а напротивъ отмѣчались, какъ явленіе достойное вниманія и изученія. Такъ, А. Н. Харузинъ говоритъ, что „прослѣдить борьбу языческой старины со входящимъ магометанствомъ по городамъ и мѣстностямъ было бы крайне интересно“. Д-ръ Зеландъ, признавъ киргизовъ несвѣдущими въ догматахъ мусульманской религіи и равнодушными къ нимъ, далѣе прибавляетъ: „зато фантазія киргиза оживляетъ окружающій міръ таинственною дѣятельностью различныхъ духовъ. Горныя вершины населены ими, болѣзни большею частью производятся ими, вообще вмѣшательство ихъ въ жизнь человека признается за аксіому. Поэтому мусульманскіе обряды у киргизъ еще перемѣшаны съ остатками язычества“.

Таковы результаты позднѣйшихъ изслѣдователей. Приступая къ настоящей работѣ, я сначала задался было цѣлью собрать одни языческія вѣрованія здѣшнихъ киргизовъ и рассмотреть, какое они имѣютъ вліяніе на ихъ жизнь; но при дальнѣйшемъ изученіи оказалось, что нѣкоторыя стороны киргизской жизни приходится объяснить только мусульманскими вѣрованіями, что также не лишено интереса, тѣмъ болѣе, что не будетъ большимъ преувеличеніемъ, если я скажу, что не только о вѣрованіяхъ киргизовъ языческаго происхожденія, но и о мусульманскихъ въ общемъ мало извѣстно,

почему я и рѣшился собрать всѣ тѣ вѣрованія, которыя въ данное время наиболѣе распространены между здѣшними киргизами, и которыя имѣютъ наибольшее вліяніе на ихъ жизнь, нисколько, конечно, не упуская изъ виду старыхъ или отживающихъ вѣрованій, а напротивъ выдѣляя и отмѣчая ихъ съ особымъ вниманіемъ. Изъ книги А. Н. Харузина: „Киргизы Букеевской орды“, я между прочимъ узналъ о существованіи статьи Мирошова: „Демонологическіе рассказы киргизовъ“, въ которой впервые затронуты языческія вѣрованія киргизовъ; но къ сожалѣнію этой интересной работы у меня не имѣется подъ руками, почему по необходимости приходится ограничиться однимъ своимъ матеріаломъ. Насколько моя работа будетъ полезна и интересна, предоставляю судить другимъ. При составленіи ея мнѣ много помогали учитель Пишпекской школы садоводства Хусайнъ Берденовичъ Берденовъ и переводчикъ уѣзднаго правленія Магбеталы Муратулинъ.

Изъ существующихъ у здѣшнихъ киргизовъ вѣрованій, по давности существованія одного изъ нихъ и по важности его значенія, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Арвака.

Арвак по произношенію каракиргизовъ и *Ауракъ*—киргизъ-казаковъ. Точный переводъ этого слова значитъ „духъ умершихъ предковъ“. И въ настоящее время это еще одинъ изъ сильныхъ догматовъ, если такъ можно выразиться, прежней религіи киргизовъ, хотя начинается уже ослабѣвать. По понятію киргизовъ „духъ умершихъ предковъ“, какъ ближайшихъ такъ и отдаленныхъ, покровительствуетъ тѣмъ изъ оставшихся въ живыхъ ихъ родственникамъ, которые ведутъ жизнь достойную ихъ памяти и дѣлаютъ добрыя дѣла; въ такомъ случаѣ Арвакъ, невидимо витая надъ ихъ жилищемъ, помогаетъ имъ и оберегаетъ отъ несчастій. Если же оставшіеся на землѣ ведутъ жизнь недостойную памяти своихъ предковъ, то Арвакъ отъ таковыхъ отступается; онъ перестаетъ быть ихъ защитникомъ и покровителемъ, почему оставленные впадаютъ, будто бы, въ бѣдность, ихъ посѣщаютъ всевозможныя несчастія и болѣзни; мало того, такіе люди дѣлаются ворами и мошенниками, такъ какъ Арвакъ не только наказываетъ отнятіемъ и лишеніемъ матеріальныхъ благъ, но и потерю тѣхъ

нравственныхъ качествъ, которыми они обладали прежде. Сумасшествіе также приписывалось, по крайней мѣрѣ прежде, немилости или гнѣву Арвака. И въ былое время, постигнетъ ли киргиза какое несчастье или бѣдствіе, испортится ли онъ нравственно или съ ума сойдетъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ прежде говорилось, да и теперь еще многіе киргизы говорятъ: „Арвакъ урды“ т. е. духъ умершихъ предковъ убилъ. Этимъ почитаніемъ и благоговѣніемъ къ памяти предковъ объясняется то глубокое уваженіе, доходящее до религіознаго поклоненія, которымъ пользуются среди киргизъ могилы ихъ родственниковъ еще и въ настоящее время, что единогласно подтверждаютъ всѣ, писавшіе о киргизахъ. Въ старину за оскорбленіе могилы полагалась смертная казнь, какъ передаютъ старики-киргизы. Этимъ почитаніемъ памяти предковъ также объясняется, почему киргизы, даже самые бѣдные, на могилахъ своихъ родственниковъ стараются поставить и теперь еще какойнибудь памятникъ или знакъ, и если кто не можетъ, по недостатку средствъ, сдѣлать большой и прочной муллушки изъ жженого кирпича, то старается по крайней мѣрѣ обнести могилу со всѣхъ четырехъ сторонъ простой глиняной стѣной. Правда, подъ вліяніемъ мусульманства обычай ставить на могилахъ какіе либо знаки исчезаетъ и у здѣшнихъ киргизовъ, но онъ еще существуетъ въ отдаленныхъ волостяхъ. Такъ, у киргизовъ рода Саяковъ и теперь еще ставятъ на могилѣ умершаго высокій шестъ, къ которому привязываютъ хвостъ отъ самой любимой лошади покойника; другіе ставятъ подобный шестъ съ хвостомъ у дверей своей юрты, и проѣзжающій, увидѣвъ еще издали этотъ траурный знакъ, не доѣзжая юрты, начинаетъ громко плакать, хотя бы онъ не зналъ не только покойника, но и родственниковъ его. Въ данномъ случаѣ гость или проѣзжіи показываютъ, что они также близко принимаютъ къ сердцу горе тѣхъ, которые имѣли несчастье лишиться родственника; кромѣ того, они стараются почтить память умершаго какимъ либо знакомъ: идутъ на его могилу, если таковая находится не особенно далеко, или же дѣлаютъ подарки тѣмъ, которые пользовались при жизни покойнаго особеннымъ расположеніемъ его; все это родственникамъ умершаго доставляетъ большое удовольствіе

и утѣшеніе, а въ противномъ случаѣ, если кто не выразить соболѣзнованія или участія, это считается тяжкимъ оскорбленіемъ какъ памяти умершаго, такъ и его родственниковъ. У киргизовъ, живущихъ на Чуйской долинь, теперь на могилахъ умершихъ не ставятъ никакихъ знаковъ, хотя прежде и у нихъ существовалъ такой же обычай, какъ и у Саяковъ, но никто не пройдетъ и не пробѣдетъ мимо могилы, не отдавъ ей должнаго уваженія. Даже самое мѣсто, гдѣ умирающій испустилъ послѣдній вздохъ и гдѣ обмывали покойника, почитается священнымъ, и чтобы это мѣсто не было осквернено людьми или животными, дѣлаютъ на немъ невысокую земляную насыпь въ видѣ продолговатаго четырехугольника.

Каждому изъ насъ не разъ приходилось слышать и читать что киргизы легко нарушаютъ данную по мусульманскому обряду присягу, что, конечно, вызывало не малое удивленіе. Можетъ быть, что такое легкое отношеніе киргизовъ къ присягѣ заставило многихъ высказаться неблагоприятно объ ихъ нравственныхъ качествахъ и достоинствахъ. Такъ, Загряжскій между прочимъ говоритъ, что киргизамъ „чужда идея справедливости“ *). На основаніи какихъ данныхъ Загряжскій пришелъ къ такому заключенію, мы не знаемъ, но нельзя ему не вѣрить, такъ какъ это одинъ изъ лучшихъ знатоковъ быта киргизовъ. Нельзя однако не замѣтить при этомъ, что дѣятели въ родѣ г. Загряжскаго, бывшаго одновременно уѣзднымъ начальникомъ въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ, сами не всегда содѣйствовали вкорененію идеи справедливости въ сознаніи киргизовъ, и нечего удивляться, если киргизы легко нарушали присягу, данную ими по мусульманскому обряду. Если такъ легко они относились къ этой присягѣ, такъ это потому, что значенія ея они не понимали, а многіе изъ нихъ не понимаютъ и теперь, потому что ученіе Магомета и его Аллаха еще чужды большинству киргизовъ (въ особенности каракиргизовъ) и до сихъ поръ; но не было примѣра, чтобы киргизъ измѣнилъ данному слову или обѣщанію въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ клянется Арвакомъ. Для киргизовъ глухихъ и отдаленныхъ волостей Арвакъ и теперь еще

1) Цитир. по А. Н. Харузину: „Киргизы Букеевской Орды“.

грозная нравственная сила, которую они ставятъ выше всего и которой они боятся болѣе всего. Въ важныхъ случаяхъ жизни, при заключеніи какихъ либо договоровъ или общаній, желая безусловно убѣдить одинъ другого въ исполненіи ихъ, они клянутся, призываютъ въ свидѣтели Арвака, т. е. духа умершихъ предковъ. Такъ, у киргизовъ рода Саяковъ дружба скрѣпляется слѣдующимъ образомъ: два лица, желающія межъ собою заключить неразрывную дружбу, связываются въ заранее условленное мѣсто, въ какой-нибудь аулъ; если они были до этого во враждѣ, то избираютъ нейтральный аулъ. Здѣсь они ставятъ между собой какое нибудь оружіе, главнымъ образомъ ружье или саблю, и трижды обнимаются, говоря: если кто измѣнитъ или нарушитъ эту дружбу, того пусть убьетъ Арвакъ, послѣ чего они становятся уже друзьями навѣки, садятся за угощеніе и проч. При заключеніи такого союза бываетъ много народа. Эта дружба (или союзъ) называется священной и строго почитается какъ таковая: никакая ссора или вражда не въ состояніи расторгнуть эту дружбу и, какъ утверждаютъ, не было случая, чтобы кто либо рѣшился измѣнить и нарушить ее. Замѣчательно, что этотъ договоръ считается обязательнымъ и для потомковъ тѣхъ, которые заключили между собою когда-то такую дружбу, и внуки и правнуки заключившихъ такой союзъ или помирившихся, свято соблюдаютъ его. Интересна въ данномъ случаѣ еще одна особенность, это та, что примиряющіеся или заключающіе договоръ дѣлаютъ посредникомъ между собою оружіе, ставятъ его, такъ сказать, видимымъ свидѣтелемъ примиренія или договора, кромѣ невидимаго Арвака. Но думаю, чтобы у киргизовъ народа миролюбиваго и далеко не воинственнаго, могъ самостоятельно выработаться этотъ обычай; вѣроятно, онъ позаимствованъ ими отъ кого либо другого.

Арвакъ покровительствуетъ и помогаетъ не только прямымъ своимъ родственникамъ, но и тѣмъ, которые въ качествѣ слугъ своего господина аккуратно исполняли всѣ его желанія и приказанія, умѣли угодить ему, и своими поступками и дѣйствіями заслужили любовь и благосклонность не только при жизни его, но продолжаютъ заслуживать и послѣ его смерти; въ такомъ случаѣ киргизы говорятъ, что Арвакъ покрови-

тельствуетъ и помогаетъ такому-то, причемъ называется постороннее лицо, не состоявшее въ родственныхъ отношеніяхъ съ умершимъ. Такъ, напр., если какой-нибудь джигитъ разбогатѣлъ или выдвинулся чѣмъ либо послѣ смерти своего господина, то говорятъ, что Арвакъ, т. е. духъ его умершаго господина, перешелъ на него.

Видѣть духа своихъ умершихъ предковъ киргизы считаютъ недостойнымъ, почему онъ никому не показывается, а витаетъ невидимо надъ жилищемъ своихъ родственниковъ. Поклявшіеся Арвакомъ обязаны другъ друга защищать, предупреждать о грозящей опасности, жертвовать жизнью, однимъ словомъ блюсти интересы одинъ другого изъ рода въ родъ.

Очевидно, что почитаніе духа предковъ есть остатокъ прежней естественной религіи кара-киргизовъ. Въ настоящее время этотъ культъ почитанія и поклоненія памяти предковъ значительно ослабѣлъ и у многихъ кара-киргизскихъ родовъ, и сохраняется еще только у тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ и до сихъ поръ болѣе или менѣе обособленно. Распространеніе мусульманства, вліяніе русское и другія причины, способствовавшія распаденію родового быта, ослабили въ значительной степени также и это вѣрованіе.

Кыдыръ-пайгамбаръ ¹⁾, Кыдыръ-ата по произношенію кара-киргизовъ и *Хызыръ*—киргизъ-казаковъ. Это вѣрованіе перешло, какъ видно, вмѣстѣ съ мусульманствомъ и среди здѣшнихъ кара-киргизовъ получило широкое распространеніе, благодаря его мистическо-фаталистическому характеру. По представленію киргизовъ, Кыдыръ есть святой, безсмертный и невидимо странствующій пророкъ, видѣть котораго составляетъ для киргиза большую радость, такъ какъ Кыдыръ приноситъ съ собою счастье, богатство, славу, красоту, умъ и прочія блага. Желая осчастливить кого-либо изъ достойныхъ смертныхъ своимъ посѣщеніемъ и тѣмъ самымъ послать ему всевозможныя блага, Кыдыръ принимаетъ опре-

¹⁾ Слово „пайгамбаръ“, кажется, правильнѣе было бы писать «файгамбаръ», что значить пророкъ. Я удержалъ произношеніе здѣшнихъ каракиргизовъ. Ата—значить отецъ, дѣдушка.

дѣленную видимую форму, преимущественно же является въ образѣ нищаго, и нерѣдко знакомаго нищаго, часто является калѣвкой, слѣпымъ старцемъ и проч. Это общее среди киргизовъ представленіе образа Кыдыра, хотя существуетъ убѣжденіе, что онъ можетъ присутствовать и посѣщать невидимо. У многихъ существуетъ убѣжденіе, что Кыдыръ долженъ явиться каждому киргизу три раза въ теченіе его жизни. Въ первый разъ Кыдыръ будто бы является двадцати-семилѣтнимъ человѣкомъ, во второй разъ сорока-семилѣтнимъ и въ третій разъ шестидесяти-семилѣтнимъ старикомъ. Прибытіи или посѣщенія Кыдыра киргизы ожидаютъ главнымъ образомъ по ночамъ, наканунѣ большихъ праздниковъ (у акмолинскихъ киргизовъ); въ загорныхъ волостяхъ (у Саяковъ) Кыдыра ожидаютъ исключительно наканунѣ праздника Курбанъ-айта, о чемъ ниже скажемъ подробнѣе; у Чуйскихъ киргизовъ онъ ожидается главнымъ образомъ во время лѣтняго поста (Ураза), который продолжается тридцать дней,—въ этомъ случаѣ, кто стремится видѣть Кыдыра, тотъ долженъ въ теченіе всего поста еженочно бодрствовать до разсвѣта, и находятся такіе, которые выдерживаютъ этотъ искусь, но удается ли имъ видѣть всегда Кыдыра—этого киргизы не утверждаютъ. Являясь нищимъ, Кыдыръ проситъ милостыню и этимъ какъ бы испытываетъ того, къ кому онъ явился: если ему не откажутъ въ подаваніи, то Кыдыръ дѣлаетъ того счастливымъ и богатымъ. На этомъ основаніи ни одинъ киргизъ, даже самый бѣдный, не откажетъ въ это время ни одному нищему въ подаваніи, хотя небольшой кусочекъ сыра, да подастъ. Положимъ, что Кыдыръ не лишаетъ счастья, если ему и ничего не дадутъ, но все же лучше дать хотя что-нибудь, чѣмъ ничего. Получивъ милостыню, Кыдыръ предлагаетъ вопросъ: что нужно? Барановъ ли, верблюдовъ, дѣтей, лошадей, умъ, красоту и проч. и проч. Вопросаемый отвѣчаетъ по своему желанію. Получивъ отвѣтъ, Кыдыръ уходитъ, говоря: „быть по твоему“. Нерѣдко, ожидая посѣщенія Кыдыра, киргизъ заранее приготовляетъ отвѣтъ. Другіе просятъ хорошей и счастливой жизни на томъ свѣтѣ, но такихъ мало. Какъ бы кто ни принялъ Кыдыра, онъ не наказываетъ, а все-таки прощаетъ и благословляетъ на счастье.

такъ что можно думать, что въ образѣ Кыдыра олицетворяется милостивый, всепрощающій и вселюбящій пророкъ. Иногда, хотя и рѣже, Кыдырь является въ образѣ знатнаго и богатаго человѣка, и даже можетъ принять видъ хорошо знакомаго и извѣстнаго человѣка. Въ какомъ бы человѣческомъ образѣ Кыдырь ни явился, у киргизовъ для него есть одна постоянная примѣта, именно та, что большой палецъ правой его руки не имѣетъ костей, а состоитъ изъ однихъ мягкихъ частей. Этимъ и сами киргизы объясняютъ форму существующаго у нихъ рукопожатія, которое состоитъ въ томъ, что, взявъ руки гостя въ ладони своихъ обѣихъ рукъ, хозяинъ двумя своими пальцами, большимъ и указательнымъ, правой руки слегка прижимаетъ большой палецъ той же руки гостя или кого другого, кто бы онъ ни былъ, особенно если гость человѣкъ незнакомый. Этимъ онъ какъ бы хочетъ сказать: не Кыдырь ли ты. не Кыдыра ли мнѣ въ тебѣ придется видѣть?

Иногда Кыдырь является въ видѣ птицы, и въ такихъ случаяхъ киргизы видятъ его плавающимъ въ сабѣ *) въ видѣ утки съ дѣтенышами, или же въ видѣ воробья, который свиваетъ гнѣздо на баранѣ. Въ первомъ случаѣ означаетъ, что будетъ много лошадей, а во второмъ—много барановъ. Киргизы также вѣрятъ, что Кыдырь невидимо опускаетъ руку въ кушанье, отчего послѣднее прибавляется и дѣлается болѣе вкуснымъ. Въ Нарынской волости, у кара-киргизскаго рода Джетыгенъ, аулъ Медербека славится баранами, которые отличаются большимъ ростомъ, и этихъ-то барановъ будто бы послалъ Кыдырь съ неба, какъ увѣряютъ киргизы, по крайней мѣрѣ между ними распространено такое убѣжденіе.

Въ загорныхъ волостяхъ, у кара-киргизовъ рода Саяковъ, какъ я сказалъ выше, посѣщеніе Кыдыра ожидается исключительно наканунѣ праздника Курбанъ-айта. Вечеромъ этого дня, по понятію ихъ, Кыдырь, хотя невидимо, долженъ посѣтить юрту каждаго киргиза, почему каждый домохозяинъ обязанъ заколотъ барана и непременно сдѣлать жертвопри-

*) „Саба“—мѣшокъ, сшитый изъ цѣлой шкуры животнаго, а „турсукъ“—изъ части шкуры; въ томъ и другомъ обыкновенно хранится кумысъ.

ношеніе (тлеу-кылмакъ); даже бѣднякъ долженъ продать что-нибудь и заколотъ хотя козленка или ягненка, никакъ не моложе шестимѣсячнаго. Рѣжутъ преимущественно самцовъ, рѣжетъ самъ хозяинъ. Усѣвшись въ этотъ вечеръ за ужинъ, хозяинъ подаетъ гостю, если таковой случится, сваренную голову животного. У всѣхъ вообще киргизовъ въ обычаѣ всегда подавать гостю голову въ знакъ уваженія къ нему, въ этотъ же вечеръ въ лицѣ гостя хозяинъ видитъ, если не самого Кыдыра, то особенную милость, ниспосланную ему этимъ духомъ. Гость, отвѣдавъ немного, обыкновенно ограничившись однимъ ухомъ, передаетъ хозяину обратно голову, которую долженъ уже лично самъ хозяинъ очистить и на лбу и обѣихъ щекахъ ея сдѣлать красной краской или охрой по знаку. Послѣ этого голову ставятъ въ юртѣ на видное мѣсто, чтобы всякій входящій видѣлъ, что было сдѣлано жертвоприношеніе, и, вѣроятно, эту юрту, хотя невидимо, посѣтилъ Кыдыръ. Голову эту держатъ въ юртѣ отъ трехъ до девяти дней, послѣ чего ее выносятъ и кладутъ на могилы своихъ предковъ, которые почему-либо особенно почитаются или считаются святыми, иногда же голову просто выставляютъ на возвышенныхъ мѣстахъ и высокихъ деревьяхъ. Этимъ дается понять, что изъ семейства этого унесены всѣ болѣзни, несчастія и напасти, и слѣдовательно можно быть спокойнымъ до другого года. Шѣуру зарѣзаннаго животного прежде отдавали „сопы“*), т. е. людямъ, которые прежде считались близкими къ Кыдыру, а теперь отдаютъ ее мулламъ, пользующимся уваженіемъ, или тѣмъ изъ нихъ, которые хорошо знаютъ коранъ, такъ какъ сопы теперь уже вывелись и совсѣмъ мало стало благочестивыхъ людей, достойныхъ быть близкими къ Кыдыру. Во время праздника Курбанъ-айта не только угощаютъ дома, но и разносятъ кушанье по роднымъ, знакомымъ и пріятелямъ, что называется „Курбанъ-лыкъ“. Дѣлается это съ тою цѣлью, что Кыдыръ, встрѣтивъ это кушанье, можетъ попробовать его и въ другомъ мѣстѣ и отплатить за это сторицею.

*) „Сопы“—это безграмотные киргизы, своею благочестивою жизнью заслужившіе уваженіе своихъ единовѣрцевъ.

Ни одинъ народъ не избѣгъ того, чтобы его вѣрованія не были эксплуатируемы хотя отчасти; такъ это случилось и съ киргизами относительно того же Кыдыра. Такъ, въ прежнее время киргизы представляли Кыдыра еще въ образѣ наѣзника верхомъ на лошади; въ этомъ случаѣ Кыдыръ являлся въ табунъ лошадей и, выбравъ 2—3 лучшихъ изъ нихъ, преспокойно уѣзжалъ. Простодушный и довѣрчивый киргизъ, считая себя весьма счастливымъ тѣмъ, что ему удалось видѣть святаго пророка, не преслѣдовалъ его, конечно, въ той надеждѣ, что за взятыхъ имъ 2—3 лошадей онъ получитъ по меньшей мѣрѣ нѣсколько десятковъ, а то и сотенъ. Но время скоро показало, что въ такой формѣ Кыдыръ менѣе всего вознаграждаетъ осчастливленныхъ его посѣщеніемъ киргизовъ, и онъ счелъ благоразумнымъ болѣе не являться въ такомъ видѣ, какъ передаютъ сами же киргизы. Вѣроятно, въ прежнее время существовали и другіе образы представленія Кыдыра, но они со временемъ исчезли, какъ несоотвѣтствующіе понятію о святомъ пророкѣ, который долженъ благодѣтельствовать и приносить счастье бѣдному и беззащитному кочевнику степей, а не разорать и обижать его. Нельзя сказать, чтобы и теперь не эксплуатировалось это вѣрованіе, но, насколько удалось собрать объ этомъ свѣдѣнія, эксплуатация эта имѣетъ безвредный и безобидный характеръ, такъ что у большинства вызываетъ нѣкоторую иронию или добродушную насмѣшку. Въ настоящее время это продѣлываютъ главнымъ образомъ нищіе изъ кашгарскихъ сартовъ или же и свои киргизы. Такой нищій, проходя черезъ аулъ, намѣренно не заходитъ въ нѣкоторыя юрты, желая этимъ показать, что тѣ, къ кому онъ не зашелъ, недостойны его видѣть, и этимъ какъ бы даетъ понять, что онъ не простой нищій, а Кыдыръ. Такой безобидный маневръ удается продѣлать въ большинствѣ случаевъ съ прибылью, такъ какъ хозяева обойденныхъ юртъ, считая себя обиженными, сами возвращаютъ и награждаютъ такого нищаго. Другіе дѣлаютъ такъ: подойди къ юртѣ, показываютъ видъ, что они не нуждаются въ милостынѣ, почему не пристають и не выпрашиваютъ назойливо; они какъ бы стараются показать, что своимъ приходомъ они скорѣе дѣлаютъ честь или одолженіе, и, постоявъ немного, ухо-

дять, не дожидаясь подачи. Хозяинъ, сообразивъ и вспомнивъ о Кыдырѣ, возвращаетъ вищаго и награждаетъ его, чѣмъ можетъ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что вѣрованіе въ Кыдыра пережило и продолжаетъ переживать различныя наружныя формы и сопровождается различными обрядностями, хотя сущность его повидимому остается одна и та же, а именно: понятіе о Кыдырѣ установилось какъ о кроткомъ, незлобивомъ подателѣ и источникѣ всевозможныхъ земныхъ благъ.

Такова сущность представленія о Кыдырѣ у здѣшнихъ кара-киргизовъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ именемъ Кыдыра связываютъ представленіе о пророкѣ Іліи или Елисеѣ, которые упоминаются въ коранѣ. Подобное толкованіе принадлежитъ главнымъ образомъ мулламъ и ахунамъ, хотя они и не могутъ привести или дать для этого точныхъ указаній. Громадное же большинство признаетъ Кыдыра за самостоятельнаго пророка. Вѣрованіе это, какъ я упоминалъ, имѣетъ широкое распространеніе и способствуетъ болѣе быстрому усвоенію мусульманства среди здѣшнихъ киргизовъ. Нельзя все таки не признать, что это вѣрованіе въ обыденной жизни ихъ имѣетъ немаловажное значеніе: имъ объясняется отношеніе киргизовъ къ нищимъ: исходя изъ этого вѣрованія киргизъ подаетъ нищему, бѣглецу или проходимцу хотя небольшой кусочекъ сыра. Съ вѣрованіемъ въ Кыдыра связывается отчасти и гостепріимство, о которомъ единогласно говорятъ всѣ писавшіе о киргизахъ, какъ объ отличительной чертѣ ихъ характера. Правда, что и коранъ Магомета предписываетъ быть гостепріимнымъ; но сухое отвлеченное требованіе его едва ли скоро бы привилось и укоренилось въ душѣ такого дикаря, какъ киргизъ. Для склада такого ума и характера, какимъ надѣлены киргизы, необходимо идею гостепріимства и доброе отношеніе къ бѣднымъ и нищимъ воплотить въ какіе либо конкретныя образы или формы, что отчасти и достигается широко распространеннымъ существующимъ вѣрованіемъ въ Кыдыра. Откуда оно собственно зашло и какъ проникло въ киргизскую среду, я рѣшить не берусь.

Изъ предъидущаго между прочимъ видно, что вѣрованіе это имѣетъ и нѣсколько мистическій характеръ, подобныя же

вѣрованія дѣйствуютъ на нравы и характеръ людей смягчающимъ образомъ, хотя въ то же время такіа вѣрованія имѣютъ и свою отрицательную сторону, а именно: развиваютъ бездѣтельность, нерѣшительность, безхарактерность и т. п., а такихъ отзывовъ про киргизовъ приведено немало А. Н. Харузинымъ въ его книгѣ „Киргизы Букеевской Орды“. Я далеко отъ мысли исключительно приписывать этому вѣрованію развитіе вышеприведенныхъ отрицательныхъ качествъ, но нельзя не признать нѣкоторой доли этого вліянія и за нимъ. Киргизъ вѣритъ, что достигнуть довольства, богатства, почестей невозможно безъ помощи Кыдыра. У киргизовъ нѣтъ на глазахъ примѣра, чтобы кто либо изъ ихъ собратовъ разбогатѣлъ, благодаря упорному систематическому труду; они, напротивъ, видятъ, что богатый киргизъ совсѣмъ ничего не работаетъ, а между тѣмъ обладаетъ кое-какимъ избыткомъ и даже богатствомъ, и все это приписываетъ милости, ниспосланной Кыдыромъ. У собрата Медербекъ рослые бараны, — чѣмъ киргизъ можетъ объяснить это явленіе? Онъ видитъ, что Медербекъ палецъ о палецъ не ударилъ для того, чтобы бараны его были болѣе рослые, чѣмъ у другихъ; а между прочимъ бараны его оказываются лучше и приобрѣли извѣстность, благодаря большому своему росту. Въ прежнее время киргизъ сказалъ бы, что Медербеку помогъ его Арвакъ, т. е. духъ его предковъ, но это вѣрованіе уже значительно ослабѣло и стало забываться, благодаря укореняющемуся у нихъ мусульманству. Муллы, ахуны, хаджи—люди ученые, начитанные, говорятъ совсѣмъ другое. Они говорятъ, что кто разбогатѣлъ или выдвинулся чѣмъ либо, тому помогъ Кыдыръ или Хызыръ, и простодушный и довѣрчивый киргизъ вѣритъ этому. Для большаго успѣха всякаго новаго вѣрованія необходима извѣстная подкладка, при помощи коей новое вѣрованіе легко вытѣсняетъ старое; въ данномъ случаѣ въ обоихъ вѣрованіяхъ (Арвакъ и Кыдыръ) собственно подкладка осталась одна и та же—это обѣщаніе и обиліе матеріальныхъ благъ, которымъ проникнуты оба вѣрованія. Какъ Арвакъ покровительствуетъ и помогаетъ тѣмъ, которые живутъ хорошо, такъ и Кыдыръ приноситъ счастье и богатство только достойнымъ изъ нихъ. Какъ тогда нечего было особенно трудиться и работать, такъ

и теперь, потому что безъ воли Арвака или Кыдыра ничего нельзя сдѣлать. Этимъ можно объяснить, почему такъ скоро заступило и широко распространилось вѣрованіе въ Кыдыра, вытѣснивъ вѣрованіе въ Арвака. Оба эти вѣрованія носятъ и фаталистическій характеръ. Подобныя же вѣрованія, какъ извѣстно, не въ состояніи пробудить активной, творческой дѣятельности духовныхъ силъ народа, а напротивъ они дѣйствуютъ угнетающимъ и парализующимъ образомъ, хотя впрочемъ такой же характеръ имѣетъ и самое мусульманство. Этимъ характеромъ ихъ религіи и вѣрованій объясняется, почему киргизъ спокойно относится къ своему незавидному экономическому положенію. Исходя изъ такого характера этихъ вѣрованій, киргизъ и происходящія передъ нимъ событія объясняетъ сообразно этому. Такъ, мнѣ не разъ приходилось слышать отъ здѣшнихъ киргизовъ, что всѣ успѣхи, которые сдѣлали русскіе въ Средней Азіи, они приписываютъ милости и благоволенію Кыдыра къ русскимъ, которые безъ его помощи ровно ничего не могли бы сдѣлать. Нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, дисциплинѣ, превосходству вооруженія они не придаютъ ровно никакого значенія и до настоящаго времени, такъ какъ безъ соизволенія Кыдыра рѣшительно невозможно имѣть никакого успѣха, по ихъ понятію.

Эблисъ, Арманъ.—Оба эти слова у здѣшнихъ киргизовъ и кара-киргизовъ служатъ для обозначенія названія злой, нечистой силы. По понятію киргизовъ, всѣ бѣдствія и несчастія посылаются на людей Эблисомъ или Арманомъ. Эти два названія у нихъ тождественны, хотя происхожденіе ихъ и различно. Слово Эблисъ перешло къ киргизамъ изъ корана; оно употребляется главнымъ образомъ тѣми изъ нихъ, которые болѣе или менѣе знакомы съ этою священною книгой, а такъ какъ грамотныхъ людей между здѣшними киргизами сравнительно еще очень мало, то и названіе Эблисъ не вошло пока во всеобщее употребленіе, большинство же и до сихъ поръ употребляетъ старое названіе — Арманъ. По понятію киргизовъ, Эблисъ или Арманъ — это главный сатана или чортъ, обладающій большими способностями и познаніями; онъ повелитель и руководитель всѣхъ остальныхъ чертей (шайтановъ), и послѣдніе ничего не предпринимаютъ безъ его вѣ-

дома. Понятіе же объ Арманѣ, какъ о злой, нечистой силѣ, надо предположить, перешло къ здѣшнимъ киргизамъ изъ древнеперсидскаго вѣрованія (Ариманъ). Такое предположеніе имѣетъ за собой нѣкоторыя положительныя основанія, а именно: здѣшніе кара-киргизы, какъ они по крайней мѣрѣ сами говорятъ, выходцы изъ Ферганской и Зарявшанской долинъ, откуда они пришли и поселились на земляхъ Токмакскаго и Иссыкъ-кульскаго уѣздовъ около 250 лѣтъ тому назадъ. Если это такъ, то они легко могли тамъ позаимствовать и занести сюда это вѣрованіе, которое у нихъ продолжаетъ держаться и до настоящаго времени, хотя подъ вліяніемъ мусульманства начинаетъ уже постепенно ослабѣвать. Съ цѣлью болѣе быстрого распространенія между киргизами религіи Магомета, муллы постарались втолковать имъ, что Эблисъ по своимъ качествамъ и достоинствамъ одинаковъ съ Арманомъ, такъ что приписываніе сему послѣднему вышеозначенныхъ одинаковыхъ съ Эблисомъ качествъ есть безспорно позднѣйшее наслоеніе. Что Арманъ есть остатокъ древнеперсидскаго вѣрованія, это видно и изъ того, что это вѣрованіе, несмотря на его уже начавшееся между киргизами ослабленіе, въ существенныхъ своихъ чертахъ и до сихъ поръ сохраняетъ характеръ древнеперсидскаго. Такъ, Армана они считаютъ источникомъ вредныхъ силъ природы; у многихъ изъ нихъ и до сихъ поръ Арманъ—причина всевозможныхъ несчастій: болѣзней, голода, неурожая; какъ Эблису, такъ и Арману подчинены духи зла (джинны). Всѣ эти качества свойственны и древнеперсидскому Ариману, и если мы возьмемъ во вниманіе, что древнеперсидская культура и цивилизація имѣли вліяніе далеко за предѣлами своего отечества, то нисколько не будетъ страннымъ наше предположеніе о томъ, что существующее у киргизовъ вѣрованіе въ Армана позаимствовано ими когда-то изъ древнеперсидскаго.

Сказаній о происхожденіи Армана не удалось собрать, и повидимому ихъ не существуетъ; сказаніе же о происхожденіи Эблиса взято киргизами изъ корана, хотя съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и введены нѣкоторыя подробности, которыхъ въ коранѣ нѣтъ. Такъ, по корану Богъ заставилъ Эблиса поклониться вмѣстѣ съ прочими ангелами только-что сотво-

ренному человѣку — Адаму, но Эблись не захотѣлъ поклониться, и за это ослушаніе былъ низвергнутъ Богомъ съ неба. Киргизы же такъ передаютъ это: когда вначалѣ Богомъ сотворенъ былъ міръ, то были также сотворены одни добрые ангелы, въ томъ числѣ и Эблись; послѣдняго Богъ надѣлилъ большими способностями и познаніями, и ему поручено было учить другихъ ангеловъ. Считая себя слишкомъ умнымъ и всезнающимъ, Эблись возмечталъ о себѣ слишкомъ много. Богъ между тѣмъ сотворилъ человѣка; послѣдній лежалъ еще безъ души, когда случилось Эблису проходить мимо его. Увидѣвъ новое, невиданное имъ еще твореніе, Эблись въ изумленіи остановился и, постучавъ пальцами по лбу и груди бездушнаго еще человѣка, сказалъ съ усмѣшкою: „Боже, какое же это глупое и пошлое будетъ Твое твореніе“. Когда Богъ вложилъ душу въ человѣка, Онъ призвалъ всѣхъ ангеловъ, въ томъ числѣ и Эблиса, и заставилъ ихъ поклониться человѣку; всѣ поклонились, кромѣ Эблиса, и проч. Другое сказаніе, котораго я не встрѣтилъ въ коранѣ, слѣдующее: Эблись, будучи еще ангеломъ, возмечталъ о себѣ черезчуръ много и пришелъ къ тому, что для него казалось слишкомъ унижительно плевать на землю, а что онъ достоинъ плевать на небо, и началъ Эблись плевать на небо, а Богъ его за это низвергъ съ неба. Плевки Эблиса, падая на землю, обращались въ драгоценные камни.

Нѣкоторые киргизы представляютъ Эблиса въ видѣ безобразной, морщинистой старухи, съ большими грудями, всегда открытыми, которыя будто бы служатъ орудіемъ обороны въ борьбѣ съ человѣкомъ, а именно эти груди Эблись накидываетъ на плечи человѣка, который подъ тяжестью ихъ и падаетъ. Такое представленіе объ образѣ Эблиса впрочемъ не есть общераспространенное между киргизами, а существуетъ главнымъ образомъ у акмолинскихъ киргизовъ.

Если не установилось точное представленіе о наружномъ видѣ Эблиса, то существуетъ довольно опредѣленное понятіе о границахъ его дѣятельности. Такъ, по понятію киргизовъ, Эблись прежде всего руководитель и наставникъ всѣхъ остальныхъ чертей (шайтановъ), которые обладаютъ сравнительно съ нимъ меньшими способностями и знаніями. Самъ Эблись

не занимается малыми дѣлами, а ведетъ только крупныя предпріятія; между прочимъ ему, какъ и Арману, главнымъ образомъ приписываютъ стремленіе и желаніе портить и изводить новорожденныхъ дѣтей, почему у здѣшнихъ киргизовъ существуетъ обычай караулить новорожденного три дня, а въ противномъ случаѣ нечистая сила, въ лицѣ Эблиса или Армана, можетъ подмѣнить новорожденного, или дать пососать ему грудь, отчего послѣдній сдѣлается уродомъ. На этомъ основаніи огонь въ юртѣ въ первые три дня не прекращается, сходятся всѣ близкіе и знакомые, спать ложатся не всѣ сразу, а попеременно,—все это дѣлается для того, чтобы не подпустить близко нечистую силу. Въ теченіе этого времени происходитъ угощеніе, празднество, называемое Чилдахана *). Изъ юрты, гдѣ находится новорожденный, никому не даютъ огня въ теченіе трехъ дней. Если ребенокъ умретъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, то это приписывается вліянію Эблиса или Армана, почему киргизы принимаютъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы эти злые духи не могли повредить или напортить ребенку; такъ, люльку новорожденного окуриваютъ дымящейся головней, приговаривая: „Аласъ, аласъ уру“, или „кузь тимясунъ“, т. е., чтобы не сглазили или не изурочили. Къ люлкѣ привѣшиваютъ „бой тумаръ“, молитву или заговоръ, зашитую чаще всего въ кожу или сафьянъ, которой придаютъ форму прямоугольнаго треугольника,—все это дѣлается для того, чтобы Эблисъ или Арманъ находились подалѣе отъ колыбели новорожденного. Привязываютъ также къ люлкѣ когти беркута, клыки кабановъ, медвѣжьи когти, хвосты животныхъ, какъ-то: медвѣдя, лисицы, зайца, но главнымъ образомъ стараются достать шкуру ежики, такъ какъ это маленькое животное у киргизъ почитается наиболѣе священнымъ, о чемъ будетъ сказано дальше. Таковы средства, которыми здѣшніе киргизы и въ настоящее время стараются оградить отъ опасностей жизнь каждаго, только-что появившагося члена своей семьи, и такъ очевидно велось изстари.

*) У саяковъ называется Чилдохона, а у киргизовъ другихъ родовъ это празднество или угощеніе не всѣми соблюдается.

Изъ этого видно, что мусульманство до сихъ поръ не имѣло и почти не имѣетъ никакого вліянія на домашнюю обыденную жизнь киргизовъ. Мѣсто Армана начинаетъ заступать Эблись; измѣнилось только названіе, но сущность представленія о немъ, какъ о злой нечистой силѣ, осталась прежняя, почему и средства борьбы и защиты противъ него примѣняются съ одинаковымъ рвеніемъ и стараніемъ тѣ же самыя, которыя употреблялись задолго до распространенія между ними магометанства.

Для полноты свѣдѣній, я долженъ еще упомянуть, что нѣкоторые здѣшніе киргизы для обозначенія главнаго сатаны или черта употребляютъ также названіе — *Азазиль*. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя удалось собрать, Эблись, Арманъ и Азазиль въ представленіи киргизовъ тождественны и однородны по силѣ своихъ достоинствъ и качествъ. Азазиль также руководитъ всѣми шайтанами (чертями) и прочими злыми духами, какъ Эблись или Арманъ, но Азазиль живетъ въ водѣ. Дѣло въ томъ, что Азазиль, задумавъ лишить человека воды, самъ легъ въ воду, чтобы ее всю выпить, но не могъ этого сдѣлать, я Богъ его за это оставилъ на всегда жить въ водѣ.

Какъ я выше упомянулъ, у здѣшнихъ киргизовъ нѣкоторые животныя и до сего времени почитаются священными, въ томъ числѣ и ежъ. Относительно послѣдняго удалось записать слѣдующее сказаніе, которое между ними довольно распространено.

Въ давнія времена чортъ, разсердившись на весь міръ, затмилъ солнце. Всѣ твари земныя, объятые ужасомъ и страхомъ, собрались для совѣта, какъ помочь общей бѣдѣ, но ничего не могли придумать. Собравшіеся замѣтили, что между ними нѣтъ ежика, который въ то время считался самымъ красивымъ животнымъ, но въ то же время и самымъ маленькимъ и слабосильнымъ; всякій, кто хотѣлъ, тотъ обижалъ и пожиралъ его, тѣмъ болѣе, что мясо его считалось очень вкуснымъ, особенно же плохо ему приходилось отъ мышей. Хотя собравшимися на совѣтъ и вскорѣ замѣчено было отсутствіе ежика, но они рѣшили было обойтись безъ участія его; но какъ ни бились, ничего не могли придумать, какимъ

бы способомъ заставить чорта, чтобы онъ освободилъ солнце отъ тьмы. Видя, что безъ ежика имъ не обойтись, рѣшили послать къ нему пословъ: льва, тигра и шакала, съ просьбою, чтобы онъ прибылъ на совѣтъ. Ежъ отвѣчалъ посламъ, что пойти-то онъ готовъ, да боится, что его могутъ обидѣть или даже съѣсть; но подумавъ сказалъ имъ: если вы согласитесь попросить у Всевышняго для меня такой покровъ, въ которомъ бы я могъ смѣло вездѣ являться, увѣренный въ томъ, что меня никто не обидитъ подъ его защитою, я тогда съ радостью прійду на совѣтъ. Послы, возвратившись, передали требованіе ежика. Всѣ твари земныя, присутствовавшія на совѣтѣ, обратились съ просьбою къ ангелу, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ Всевышнимъ о дарованіи ежику такого покрова (шкуръ), въ которомъ бы его все живущее на землѣ и въ воздухѣ не могло обидѣть, и чтобы мыши были отданы ему на съѣденіе. Ангелъ вскорѣ объявилъ собравшимся, что Господь услышалъ и исполнилъ ихъ просьбу. И дѣйствительно, ежъ явился на совѣтъ въ новомъ верхнемъ покровѣ, никого не боясь изъ прежнихъ своихъ враговъ. Бывшіе на совѣтѣ, окруживъ его, сказали ему: „такъ какъ ты по нашей просьбѣ получилъ такую надежную защиту, въ которой никто теперь не обидитъ тебя, то ты за это долженъ намъ помочь совѣтомъ, какъ и что сдѣлать, чтобы чортъ освободилъ солнце отъ тьмы и чтобы на землѣ по прежнему было свѣтло“. Тогда ежъ отвѣчалъ: „чортъ считаетъ себя самымъ умнымъ и хитрымъ изъ всѣхъ, такъ пошлите ему сказать, чтобы онъ изъ песку сдѣлалъ кожу, а изъ масла дратву и сшилъ бы изъ этого сапоги къ полудню; если не сдѣлаетъ этого, то долженъ освободить солнце отъ тьмы, а если сдѣлаетъ къ назначенному времени сапоги изъ песку и сошьетъ ихъ дратвой изъ масла, то мы тогда дадимъ ему другую задачу“. Предложеніе ежика было передано чорту; послѣдній, какъ ни бился, не могъ сшить такихъ сапогъ, и принужденъ былъ освободить солнце отъ тьмы. И съ этихъ поръ ежикъ считается людьми священнымъ, и животныя его никогда не обижаютъ, а для мышей онъ сдѣлался злѣйшимъ врагомъ: помня ихъ прежнія обиды, онъ сталъ для нихъ страшнѣе кошки.

У киргизовъ немало существуетъ легендъ и сказаній о про-

исхожденіи различныхъ животныхъ и о томъ, почему нѣкоторые изъ нихъ почитаются ими священными, но мы пока не станемъ ихъ приводить, а перейдемъ къ другимъ вѣрованіямъ, которыми также объясняются нѣкоторыя стороны киргизской жизни.

Албоста—злой духъ роженицъ, болѣе подходитъ къ вѣдмѣ, живетъ въ логахъ и ярахъ. Албосту представляютъ въ образѣ женщины высокаго роста, съ большой головою и большими грудями, доходящими до колѣнъ; пальцы рукъ вооружены длинными и острыми ногтями, волосы очень длинные и спускаются до земли. Въ такой формѣ представляютъ Албосту какъ семирѣченскіе, такъ и акмолинскіе и ферганскіе киргизы; повидимому, такое представленіе о ней существуетъ и у другихъ киргизовъ. Это, къ счастью, одно изъ немногихъ вѣрованій, которое имѣетъ мрачный характеръ и даже заставляетъ ихъ прибѣгать къ употребленію жестокихъ мѣръ противъ беспомощныхъ и беззащитныхъ своихъ рожаницъ. Еще и въ настоящее время дѣлается жертвою этого вѣрованія ежегодно и уходитъ преждевременно въ могилу не одна киргизка, но еще больше онѣ платятся здоровьемъ.... Сущность этого вѣрованія состоитъ въ слѣдующемъ: когда, по несчастію, во время процесса родовъ случится обморокъ съ рожаницей, то киргизы думаютъ, что это Албоста душистъ ее; во время этого обморока Албоста будто бы выпимаетъ легкія черезъ ротъ, мочить ихъ въ водѣ, отчего рожаница и умираетъ. Безспорно, подобное вѣрованіе, дѣйствуя подавляющимъ образомъ на душевное состояніе беременной женщины, служитъ причиной, способной легко вызвать во время родовъ припадокъ обморока. И дѣйствительно, киргизка не безъ страха и ужаса ожидаетъ приближенія срока родовъ, о чемъ за нѣсколько времени впередъ сообщаетъ мужу и близкимъ роднымъ, исключительно женщинамъ и притомъ уже не молодымъ. Мужъ и родные заблаговременно стараются принять мѣры предосторожности противъ Албосты. Такъ, въ прежнее время приглашали баксу, который чтеніемъ своихъ таинственныхъ заговоровъ и заклинаній старался не допустить Албосту войти въ юрту; теперь для этой же цѣли приглашается мулла, который читаетъ молитвы изъ корана

какъ до обморока, такъ и во время случившагося обморока. Когда же чтеніе молитвъ не помогаетъ и рожаница продолжаетъ лежать въ обморокѣ, тогда начинаютъ принимать болѣе энергичныя мѣры: рожаницу слегка бьютъ, а если и это не помогаетъ, то примѣняютъ еще болѣе рѣшительныя мѣры: 1) начинаютъ бить плетью сначала легонько, а потомъ и сильнѣе, 2) вбиваютъ въ землю четыре песта, къ которымъ привязываютъ рожаницу за руки и за ноги и такъ оставляютъ на нѣкоторое время. Старожилы утверждаютъ, что въ прежнее время въ такихъ случаяхъ по несчастнымъ рожаницамъ прогоняли барановъ и даже будто бы табунъ лошадей! Такія жестокия мѣры, какъ удалось слышать, и до сихъ поръ употребляются главнымъ образомъ акмолинскими киргизами. Семирѣченскіе же кар-киргизы, во время случившагося обморока съ рожаницей, также приглашаютъ муллу, но, по рассказамъ, они гораздо рѣже прибѣгали и прибѣгаютъ къ вышеприведеннымъ мѣрамъ. Какъ намъ пришлось наблюдать, они главнымъ образомъ стараются произвести какъ можно большій шумъ: бѣгаютъ вокругъ юрты, громко кричатъ, стучать палками или бьютъ въ самодѣльные барабаны, стрѣляютъ изъ ружьевъ. Изъ сосѣднихъ юртъ также сбѣгаются и принимаютъ дѣятельное участіе въ изгнаніи Албосты. Всѣ въ ужасѣ и страхѣ. Рожаница, почти оставленная всѣми, лежитъ безъ помощи; подлѣ нея, съ убитымъ видомъ, сидитъ близкая ей родственница старуха и плачетъ. Громкій плачъ и крики отчаянія раздаются и изъ толпы, бѣгающей вокругъ юрты и старающейся вышеупомянутыми средствами прогнать Албосту. Если и это все не помогаетъ, то стараются достать и принести въ юрту беркута: киргизы вѣрятъ, что Албоста боится этой птицы, и увидѣвъ ее уходитъ. Пить воды рожаницѣ ни подѣ какимъ видомъ не даютъ, хотя бы она, очнувшись отъ обморока, и попросила. Изъ юрты вода обязательно уносится, такъ какъ въ силу существующаго вѣрованія, что Албоста мочить легкія въ водѣ, понятное дѣло, вблизи рожаницы нельзя держать воды, въ противномъ случаѣ это значило бы создавать и поддерживать благопріятныя условія для дѣятельности Албосты, и это тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что здѣшніе киргизы почти всѣ болѣзни лѣчатъ исключительно

водой, а это чуть-ли не единственный случай, когда они избѣгаютъ дать больной хоть каплю воды, глотокъ которой, въ данномъ случаѣ и при ихъ условіяхъ жизни, былъ бы единственно спасительнымъ и полезнымъ,—но такова деспотическая власть существующаго вѣрованія!

Между киргизами существуетъ слѣдующій весьма распространенный разсказъ объ Албостѣ. Однажды когда-то ѣхалъ какой-то киргизъ, котораго Албоста боялась. Киргизъ увидѣлъ, что Албоста мочить легкія въ водѣ. Зная, что легкія эти принадлежатъ какой нибудь рожаницѣ, онъ приказалъ Албостѣ возвратить ихъ обратно той, изъ кого она ихъ вынула. Албоста, услышавъ крикъ киргиза, быстро побѣжала по направлению къ одному аулу и вбѣжала въ бѣлую юрту. Киргизъ слѣдовалъ по пятамъ за нею и, вошедши въ ту же юрту, въ которую вошла и Албоста (для всѣхъ остальныхъ она была невидима), увидалъ много людей, оплакивавшихъ только за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ умершую рожаницу. Умершая вскорѣ ожила, такъ какъ Албоста вложила ей обратно легкія по приказанію киргиза. Очевидно, могло легко случиться подобное обстоятельство, что вскорѣ послѣ пріѣзда какого либо гостя рожаница, передъ тѣмъ упавшая въ обморокъ, пришла въ себя. Эти и подобные приведенному факты дали киргизамъ поводъ заключить, что есть между ними люди, которыхъ Албоста боится и приказанія которыхъ она слушается; слѣдовательно, это будутъ такіе люди, которые по своимъ духовнымъ силамъ и способностямъ стоятъ выше Албосты — злого, нечистаго духа, и эти-то люди, по своему желанію, могутъ остановить или воспрепятствовать Албостѣ сдѣлать такое дѣло, которое причиняетъ людямъ одно горе. Но есть среди киргизовъ и такіе люди, которые знаютъ съ Албостою, которые употребляютъ ее своимъ орудіемъ для того, чтобы принести ближнему или сосѣду непріятность или даже несчастье. Люди, знающіеся съ Албостою и другими нечистыми духами, называются *Куучи*.

О другихъ вѣрованіяхъ киргизовъ надѣмся сообщить въ послѣдствіи.

Ө. Поярковъ.

Г. Пешпекъ.
1891 г., 12 мая.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

6277
3-й этаж

Годъ 6-й.

151/25

Кн. XX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1894, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Комиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1894.

ИЗЪ ОБЛАСТИ КИРГИЗСКИХЪ ВѢРОВАНІЙ.

II ¹⁾.

Д ж и н н ы.

Предисловіе.

Къ эпохѣ Мохаммеда языческіе арабы уже признавали одного бога—Аллаха, но сверхъ того сохраняли въ полной силѣ вѣрованіе въ джиновъ. Пустыни и горы полны существами этого рода.

Дози (въ *Essai sur l'histoire de l'islamisme*. Leyde, 1879, p. 5) психологически такъ объясняетъ представленіе арабовъ о джиннахъ: „Голодъ, жажда, чистый и свѣжій воздухъ пустыни до того возбуждаютъ умъ, атмосферныя испаренія и рефракція до того бывають странны, что человѣку кажется, будто онъ слышитъ крики джиновъ и видитъ ихъ въ самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формахъ“.

По арабескому представленію, джинны образуютъ особую породу, вродѣ нашей, и продолжаютъ свой родъ, какъ и люди, но тѣла ихъ не такія: они составлены изъ огня или воздуха и бывають видны человѣческому глазу только въ исключительныхъ случаяхъ. Джинны смертны: завязка одной изъ сказокъ въ „1001 ночи“ состоитъ въ томъ, что проѣзжій купецъ, бросая въ сторону финиковыя косточки, нечаянно убилъ молодого джинна. Джинны могутъ дѣлать и много добра, и много зла,—потому-то, по представленію древнихъ арабовъ, приходится ихъ умиловать; это и не трудно, такъ-какъ у каждаго изъ этихъ существъ есть опредѣленное жилище: джинны обитаютъ въ камняхъ, деревьяхъ, идолахъ. Современникъ Мохаммеда, Абу-Реджа эль-Отариди, говорить: „Когда мы находили красивый камень, мы ему поклонялись. Если жъ и камня нельзя было встрѣтить, то мы нагромождали кучу песку, возводили наверхъ верблюдицу и выдаивали ея

¹⁾ См. „Этнограф. Обзор.“, кн. XI.

молоко на песокъ, послѣ чего мы чтили этотъ бугорокъ во все время нашего пребыванія тамъ“.

Каждое арабское племя имѣло собственнаго джинна и чтило его при посредствѣ жрецовъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и предсказателями-гадателями („кагинѣ“). Обращались арабы съ своими божками крайне фамиллярно: въ случаѣ неудачъ, неприятныхъ предсказаній и т. п. ихъ били камнями, пускали въ нихъ стрѣлы, бранили; сдѣлавши обѣтъ, старались отъ него уклониться посредствомъ различныхъ ухищреній; у арабовъ племени Бени-Хенифе идолъ былъ изъ финиковаго тѣста, — во время голода они его съѣли. Какъ ни фамиллярно было обращеніе съ мелкими божествами, все-таки имъ молились, имъ приносили жертвы; Аллахъ же считался шейхомъ божествъ и ихъ отцомъ, но его почти не чтили.

Вопросъ: къ какой стадіи религіознаго развитія нужно отнести эту религію? Въ какомъ отношеніи между собой находится вѣра въ единого бога Аллаха и вѣра въ джинновъ?

Ренанъ въ своей „Histoire générale des langues sémitiques“ утверждалъ, что семиты сразу начали съ единобожія, такъ-какъ ихъ склоняло къ такому представленію о Богѣ однообразіе пустыни. Противъ этого мнѣнія было сдѣлано много основательныхъ возраженій, да и самъ Ренанъ въ послѣдствіи умѣрилъ свой взглядъ.

Основываясь на авторитетѣ большинства историковъ, можно утверждать, что культъ единого бога-Аллаха у доисламскихъ арабовъ есть фактъ позднѣйшій; находятъ даже, что онъ развился не самостоятельно, а подъ вліяніемъ іудейства и христіанства. Совсѣмъ иное нужно сказать о почитаніи духовъ, джинновъ. Авторитетные семитологи признаютъ, что народы семитскаго племени имѣли моментъ этническаго единства въ сѣверной или центральной Аравіи (см. Schrader: Die Abstammung der Chaldäer und die Ursitze der Semiten, въ „Zeitschr. der Deutsch. Morg. Gesellsch.“. 1873), и что хорошо извѣстная намъ религія домусульманскихъ арабовъ сохранила въ своей чистотѣ главныя черты религіи общесемитской.

Итакъ, вѣра арабовъ въ джинновъ (которая, замѣтимъ, удержалась и до сихъ поръ, благодаря Мохаммеду) есть явленіе несомнѣнно древнее, оригинальное, ниоткуда не заимствованное: арабы временъ Мохаммеда едва вышли изъ періода анимистическаго полидемонизма.

По вопросу объ арабскихъ джиннахъ существуетъ довольно богатая литература; лучшими сочиненіями остаются: *A. Sprenger—Das Leben und die Lehre des Mohammed*. Berlin 1861—65, T. I, и *L. Krehl—Ueber die Religion der vorislamischen Araber*. Lpz. 1863.

А. Крымскій.

Подъ именемъ „джиннъ, джинны“, какъ у кара-киргизовъ, такъ и у киргизъ-казаковъ, разумѣются нечистые духи, которыхъ они считаютъ носителями и распространителями зла не только между людьми, но и между животными; джинны, слѣдовательно, существа вредныя.

Киргизъ-казаки и кара-киргизы представляютъ себѣ джинновъ или въ видѣ маленькихъ мошекъ и мухъ (это наиболѣе распространенная форма представленія джинновъ), или же въ видѣ пауковъ (мизгирей), ящерицъ (келин-джугун), лягушекъ (су-бака), жабъ (кесертке) и т. п. Но въ какой бы образъ—насъкомаго или животнаго—джинны ни воплотились, они никогда, по представленію кара-киргизовъ, не теряютъ своего человѣкоподобнаго вида. Такое представленіе обязано своимъ происхожденіемъ легендѣ, по которой джинны произошли отъ первыхъ людей. Въ представленіи киргизъ-казаковъ джинны доходятъ до роста даже взрослого человѣка, у кара-киргизовъ же они представляются имѣющими ростъ только новорожденнаго младенца.

Живутъ джинны на низменныхъ, болотистыхъ мѣстахъ, или въ ущельяхъ горъ, вообще въ тайныхъ и мрачныхъ мѣстахъ, куда рѣдко проникаетъ глазъ человѣка. Въ лужѣ, покрывшейся плѣсенью, киргизы видятъ міриады джинновъ. Иногда джинны носятся въ воздухѣ на летающихъ лошадяхъ,—это такъ называемые „летучіе джинны“. Видѣть джинновъ могутъ одни только *баксы* и *бакши*.

О происхожденіи джинновъ у кара-киргизовъ Семирѣченской области, Токмакского уѣзда, существуетъ слѣдующая легенда: первая на землѣ женщина (Ева) однажды, въ отсутствіе мужа, такъ много народила дѣтей, что, стыдась передъ нимъ своего чрезмернаго многоплодія, часть ихъ скрыла отъ него; но мужъ (Адамъ) вскорѣ узналъ объ этомъ обманѣ и, разгнѣвавшись, всѣхъ сокрытыхъ дѣтей обратилъ въ джинновъ. Первые люди, происшедшіе отъ Адама, по понятію киргизовъ, были очень большого роста сравнительно съ настоящими; точно также и первые джинны, сравнительно съ нынѣшними, были гораздо болѣе ростомъ.

Исходя изъ такого представленія о происхожденіи джинновъ, кара-киргизы приписываютъ имъ такое же административное устройство, какое имѣютъ люди на землѣ. Джинны, по ихъ понятію, составляютъ особое самостоятельное государство и управляются своимъ султаномъ, у котораго есть министры и прочія должностныя лица. Образъ жизни джинны ведутъ такой же, какъ и киргизы, т. е. кочевой. Исходя изъ того же представленія о происхожденіи джинновъ отъ первыхъ людей, киргизы считаютъ ихъ обладающими необыкновенными способностями, даже большими, нежели у людей.

Какъ киргизы, такъ и кара-киргизы, дѣлятъ джинновъ на высшихъ и низшихъ, или, какъ они говорятъ, есть джинны ручные,

правильные, или правильно устроенные, и есть джины дикіе или неправильные, но тѣ и другіе обладаютъ одинаково большими способностями. Джинны бываютъ наиболее опасны и причиняютъ людямъ больше всего зла весною и, главнымъ образомъ, въ началѣ ея, когда, по понятію киргизовъ, происходитъ особенно усиленный перелетъ джиновъ. Большія и частыя передвиженія ихъ совершаются также по ночамъ, преимущественно вблизи рѣчекъ и озеръ, и потому около послѣднихъ киргизы избѣгаютъ останавливаться на ночевку.

Чтобы отвѣтить на вопросъ, какой вредъ приносятъ джины людямъ и въ чемъ именно выражается причиняемое ими зло, представимъ себѣ слѣдующую дѣйствительную картину. Бѣднякъ-киргизъ пасетъ стадо барановъ; весь длинный лѣтній день онъ проводитъ одинъ съ самимъ собою. Передъ нимъ возвышаются могучія горы, вершины которыхъ исчезаютъ гдѣ-то за облаками, въ безконечной выси... Небольшое его стадо разбрелось по крутымъ склонамъ горъ. Воздухъ чистъ и необыкновенно прозраченъ. Высоко-высоко надъ бѣднымъ одинокимъ пастухомъ прекрасное голубое небо, не уступающее итальянскому. Но вотъ вдали, на горизонтѣ, появилось едва замѣтное бѣлое пятно, которое, непонятнымъ и чуднымъ для него образомъ, все болѣе и болѣе увеличивается и, наконецъ, переходитъ въ грозную тучу, которая даетъ знать о своемъ приближеніи глухими раскатами грома, доносящимися издалека. Приближаясь болѣе и болѣе и спускаясь все ниже, грозная туча точно хочетъ обнять мощный станъ горъ. Удары грома повторяются чаще и чаще и съ каждымъ ударомъ становятся все сильнѣе. Молнія безпрестанно, то широкой, то узкой, но длинной лентой, перекрещиваетъ воздухъ... Разразилась страшная гроза... Но вдругъ поднявшійся вѣтеръ скоро разбилъ грозную тучу на нѣсколько мелкихъ облаковъ. Вновь выглянуло привѣтливое солнце, и небо стало опять такое же прекрасное, а воздухъ сдѣлался еще чище и прозрачнѣе, и вершины горъ кажутся еще выше, высматривая изъ-за облаковъ и какъ-бы вися въ воздухѣ. А въ противоположную отъ горъ сторону идетъ широкая, безпредѣльная, какъ море, равнина, гдѣ синева воздуха гуще; къ вечеру поднимается туманъ, широко стелющийся надъ землею и теченіемъ воздуха постепенно приближающійся къ горамъ.

Какія мысли проходятъ въ это время въ головѣ одинокаго киргиза? Безспорно, для его воображенія данъ большой просторъ; фантазія работаетъ неустанно; мозгъ, раскаленный лучами солнца, создаетъ уродливые образы, которые принимаются за дѣйствительность. Наступившій вечеръ, а затѣмъ и ночь, еще болѣе способствуютъ дѣятельности фантазій, воображеніе еще усиленнѣе работаетъ, то и дѣло создавая причудливые образы и картины. Стараясь объяснить по-своему встрѣтившіяся явленія, киргизъ за-

думывается надъ объясненіемъ ихъ, но слабый его умъ, непривычный къ систематической работѣ, теряется въ догадкахъ; знанія же и опыта въ окружающихъ онъ также напрасно будетъ искать. Киргизъ задумывается все болѣе и болѣе, „уходитъ въ себя“. Поведеніе его становится для остальныхъ уже страннымъ и загадочнымъ. Нервная система его разстраивается все болѣе; передъ нимъ проходятъ различныя фантастическія картины, онъ разговариваетъ самъ съ собою, кому-то отвѣчаетъ на вопросы и, въ свою очередь, самъ къ кому-то обращается съ послѣдними,—однимъ словомъ, передъ нами развивается одна изъ формъ острого помѣшательства.

Но киргизы въ такихъ случаяхъ говорятъ, что этого человѣка посѣтили джинны, что они вошли въ него, и это съ нимъ онъ разговариваетъ и бесѣдуетъ. Въ первое время, когда слова и поступки подобнаго лица поражаютъ окружающихъ своею несообразностью и кажутся для нихъ странными и дикими, то киргизы объясняютъ ихъ тѣмъ, что въ этого человѣка вошли дикіе или неправильные джинны и овладѣли имъ настолько, что онъ находится въ полной ихъ власти и не можетъ управлять самимъ собою, своею волею и своими поступками,—однимъ словомъ, такой человѣкъ находится въ состояніи невмѣняемости. Субъекта, находящагося въ такомъ состояніи, киргизы называютъ „джинды“, т. е. сумасшедшій. Чѣмъ рѣзче будутъ бросаться въ глаза и поражать своею нецѣлесообразностью поступки несчастнаго больного, тѣмъ, значить, болѣе злые и болѣе сильные джинны въ него вселяются.

Киргизы думаютъ, что джинны, когда только что вселятся въ избраннаго ими человѣка, то они производятъ въ немъ и въ его душевномъ мірѣ особенно бурную реакцію, и такой человѣкъ страдаетъ не только психически, но у него нерѣдко появляются физическіе недуги и болѣзни. Подобное состояніе киргизы объясняютъ тѣмъ, что этотъ человѣкъ не привыкъ еще къ своимъ джинамъ, не сжился и не освоился съ ними; отсюда у киргизовъ сложилось убѣжденіе, что, въ большинствѣ случаевъ, первоначально вселяются только одни дикіе, неправильные или неправильно устроенные джинны, и даже въ послѣдствіи нѣкоторымъ больнымъ, одержимымъ ими, удается обратить ихъ въ ручныхъ или правильныхъ.

Кара-киргизы Токмакского уѣзда утверждаютъ, что джинны вселяются, главнымъ образомъ, въ бѣдняковъ, въ людей „худородныхъ“, съ плохимъ питаніемъ и, поэтому, съ слабой физической и нервной организаціей; входятъ въ такихъ людей, которые большинствомъ считаются и признаются малоумными или глуповатыми, въ людей, обладающихъ слабымъ и нерѣшительнымъ характеромъ, нерѣдко болѣзненныхъ отъ природы и т. п.,—однимъ словомъ, джинны, по мнѣнію киргизовъ, какъ существа не только разумныя, но и обладающія выдающимися и необыкновенными способностями, сами и по своему желанію выбираютъ себѣ лицъ изъ

вѣстной категоріи, въ которыхъ, они увѣрены, найдутъ благопріятную почву для своей дѣятельности. Но бываютъ иногда примѣры, что джинны входятъ и въ такихъ людей, которые всегда отличались крѣпкимъ здоровьемъ и пользовались репутацией умныхъ и дѣльных людей, и со стороны психической ихъ дѣятельности окружающіе не замѣчали въ нихъ ничего ненормального. Джинны входятъ также въ женщинъ, но рѣже. Относительно возраста или лѣтъ, въ какой джинны наиболѣе всего предпочитаютъ вселяться въ людей, нѣтъ опредѣленныхъ указаній, но, повидимому, никакой возрастъ не гарантированъ отъ ихъ вліянія, лишь бы только извѣстный субъектъ заключалъ въ себѣ нѣкоторыя данныя для воспріятія джинновъ.

Выше я привелъ только одинъ частный примѣръ того, при какихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію киргизовъ, джинны могутъ входить въ людей; существуютъ, по ихъ словамъ, еще другіе способы и условія, при помощи которыхъ они вселяются, напр., при помощи оставляемыхъ ими выдѣлений, которыя, попадая въ пищу или питье, способны произвести зараженіе. Но и при такомъ способѣ вселенія джинновъ необходимо извѣстное предрасположеніе къ воспріятію ихъ, такъ какъ киргизы (токмакскіе); между прочимъ, допускаютъ, что, хотя случится нѣсколькимъ лицамъ одновременно поѣсть зараженной пищи изъ одного и того-же котла, тѣмъ не менѣе не всѣмъ въ одинаковой степени угрожаетъ опасность заболѣть, и скорѣе всего тому, у кого существуетъ наибольшее къ этому предрасположеніе, или же къ кому попадетъ наибольшее количество яда. Нѣкоторые изъ кара-киргизовъ представляютъ оставляемый джиннами ядъ въ видѣ очень мелкихъ, но твердыхъ крупинокъ, которыя при ѣдѣ могутъ попасть только нѣкоторымъ или даже одному человеку.

Киргизъ-казаки и кара-киргизы вліяніемъ джинновъ объясняютъ слѣдующія состоянія: головокруженіе, обморокъ, приливы крови къ головѣ; падучая болѣзнь также считается результатомъ дѣйствія джинновъ. Случится ли, что потемнѣетъ у кого въ глазахъ и ему представятся летающія мушки, киргизы говорятъ въ такихъ случаяхъ, что это джинны пролетѣли; давить ли кого ночью кошмаръ, и это считается у киргизовъ дѣломъ рукъ джинновъ. Бѣшенство верблюдовъ и собакъ приписывается киргизами также исключительно джиннамъ; у коровъ и лошадей джинны производятъ головокруженіе и какую-то „болѣзнь въ мозгу“; употреблять въ пищу молоко такихъ коровъ не слѣдуетъ, иначе можетъ случиться „джинды-лыкъ“ (сумасшествіе).

Какія же мѣры предпринимаютъ киргизы, чтобы облегчить положеніе тѣхъ, въ кого имѣли несчастье войти джинны или, говоря проще, что дѣлаютъ киргизы, чтобы облегчать участь своихъ сумасшедшихъ, и какія средства находятся въ ихъ распоряженіи для излѣченія подобныхъ больныхъ?

Здѣсь намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о *баксахъ*, которые имѣютъ тѣсную и неразрывную связь съ разсматриваемымъ нами вѣрованіемъ о джиннахъ, и можно даже думать, что послѣднее въ той формѣ, въ какой оно существуетъ въ настоящее время, въ значительной степени обязано этимъ баксамъ, или бакшамъ *). Выше было уже упомянуто, что въ представленіи киргизовъ, кромѣ дикихъ или неправильныхъ джиновъ, существуютъ еще, такъ называемые, ручные, правильные или правильно-устроенные джинны. Повидимому, существенной разницы между тѣми и другими джиннами у киргизовъ не существуетъ; все отличие основывается, единственно, на томъ дѣйствіи, которое они производятъ на одного и того же человѣка и при томъ въ различное время. Съ именемъ дикихъ джиновъ у киргизовъ связывается представленіе о сильномъ или глубокомъ помѣшательствѣ, сопровождающемся бурными и рѣзко бросающимися въ глаза поступками; но дикіе джинны черезъ нѣкоторое время могутъ превратиться и перейти въ ручныхъ или правильныхъ джиновъ.

Лица, знающіяся съ правильными или ручными джиннами, называются „баксы“ или „бакши“. По понятію киргизовъ, только тотъ настоящій или истинный бакса, кто овладѣваетъ джиннами вполнѣ, т. е. овладѣваетъ ихъ способностями и знаніями и можетъ, поэтому, вызвать своихъ джиновъ во всякое время, когда только онъ найдетъ это нужнымъ и необходимымъ. Рѣдко какому баксѣ удастся сразу подчинить себѣ и овладѣть правильными джиннами, такъ какъ и изъ нихъ многіе бываютъ злые или очень сильные. Чтобы джинны отнеслись къ баксѣ снисходительнѣе и милостивѣе, послѣдній или притворяется больнымъ, или же пѣніемъ старается смягчить и привлечь ихъ на свою сторону. Баксы встрѣчаются и изъ женщинъ, но рѣже, такъ какъ джинны вообще вселяются чаще въ мужчинъ, нежели въ женщинъ. Баксы даютъ своимъ джиннамъ различныя имена, но большей части, старинныхъ героевъ; лошади джиновъ также награждаются различными эпитетами, напр., „карач“, „эртештук“, „коёнбай“ и т. п.

Количество джиновъ у каждаго баксы бываетъ различно; нѣкоторые овладѣваютъ весьма большимъ ихъ количествомъ. Качество джиновъ, т. е. ихъ способности [и знанія, также неодинаковы, почему одни баксы владѣютъ болѣе сильными джиннами, а другіе—болѣе слабыми; одни изъ нихъ способны, при помощи своихъ джиновъ, производить болѣе разнообразныя и разностороннія дѣйствія, а другіе, наоборотъ, менѣе разнообразныя. Бакса каждому своему джину назначаетъ особое іерархическое мѣсто: есть у него джинны-джигиты, джинны-совѣтники и т. п.

Бакса, владѣющій правильными джиннами, можетъ вызвать ихъ во всякое время и можетъ заставить ихъ служить себѣ и другимъ

*) Киргизъ-казаки произносятъ „баксы“, а кара-киргизы—„бакши“.

на пользу, а иногда и на потѣху. Обстоятельства и случаи, въ которыхъ проявляется дѣятельность баксы, довольно разнообразны, разносторонни и разнохарактерны. Такъ, прежде всего, бакса, посредствомъ таинственныхъ наговоровъ и нашептываній, лѣчитъ всевозможныя болѣзни, но преимущественно страдающихъ душевными и нервными болѣзнями. Приступая къ лѣченію, бакса призываетъ своихъ джинновъ по имени, какое онъ далъ имъ ранѣе, проситъ, чтобы они помогли ему въ предстоящемъ дѣлѣ, совѣтуется съ ними, то вслухъ, то про себя, пѣніемъ старается скорѣе призвать ихъ на помощь, а такъ какъ бакса *видитъ* своихъ джинновъ (прочіе смертные ихъ не могутъ видѣть), то, обращаясь якобы къ нимъ, онъ приказываетъ имъ быть послушными его волѣ и не выходить изъ его повиновенія; по временамъ онъ сердится и выходитъ изъ себя, или же впадаетъ въ благодушное настроеніе, смѣется, жестикулируетъ и производитъ руками какіе-то непонятные для окружающихъ знаки, однимъ словомъ старается напустить на себя таинственность, чтобы произвести большее впечатлѣніе на присутствующихъ; одинъ бакса можетъ скоро вызвать своихъ джинновъ, другому это удастся съ большимъ трудомъ. Задача баксы, при лѣченіи сумасшедшихъ, заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ у послѣднихъ, по убѣжденію киргизовъ, содержатся одни только неправильные или дикіе джины, то бакса, при помощи своихъ ручныхъ или правильныхъ джинновъ, можетъ овладѣть дикими, которые заключаются въ сумасшедшемъ, и перевести ихъ въ себя, излѣчивъ такимъ образомъ больного отъ сумасшествія. Если баксѣ не удастся этого достигнуть, то онъ можетъ превратить ихъ въ ручныхъ или правильныхъ джинновъ, которые, хотя и остаются у прежняго своего владѣльца, но послѣдній изъ сумасшедшаго превращается уже въ баксу. Тотъ или другой результатъ лѣченія, но во всякомъ случаѣ въ глазахъ киргизовъ успѣшный, зависитъ отъ того, если джины-баксы будутъ сильнѣе джинновъ субъекта, котораго онъ лѣчитъ; въ противномъ случаѣ лѣченіе будетъ безуспѣшно. Если баксѣ удастся овладѣть дикими джинами другого лица и перевести въ себя, то современемъ онъ ихъ превращаетъ въ ручныхъ, и тогда они служатъ новому своему владѣльцу и господину, который пользуется ихъ знаніями и силами, и способностями которыхъ онъ всегда распоряжается по личному своему усмотрѣнію.

Лѣченіе душевно-больныхъ—одна изъ главныхъ дѣятельностей баксы. Кромѣ шептаній и наговоровъ, употребляемыхъ при лѣченіи больныхъ, баксы практикуютъ и другіе приемы лѣченія. Такъ, если бакса придетъ къ заключенію, что сумасшествіе вызвано джиномъ въ видѣ синей мухи или паука, то для излѣченія болѣзни, происшедшей отъ этой причины, отыскивается козленокъ, по преимуществу черный, зарѣзывается—и мясо все цѣликомъ отдають баксѣ, а легкими, печенкой, вообще всѣми внутренностями коз-

ленка, только что вынутыми и, слѣдовательно, еще теплыми, бакса довольно продолжительное время бьетъ по одержимому сумасшествіемъ, затѣмъ плюетъ три раза и бросаетъ внутренности вверхъ на воздухъ. Такъ какъ между киргизами наиболѣе распространено убѣжденіе, что джинны существуютъ, главнымъ образомъ, въ видѣ мелкихъ насѣкомыхъ (всевозможныхъ мошекъ, мухъ и пауковъ разныхъ видовъ), то и приведенный способъ лѣченія есть, поэтому, довольно распространенный и считается однимъ изъ лучшихъ и дѣйствительныхъ средствъ. Кромѣ лѣченія нервныхъ и душевныхъ больныхъ, баксы лѣчатъ также и всевозможныя другія болѣзни, какъ наружныя, такъ и внутреннія. Такъ, по понятіямъ кара-киргизовъ, мизгиръ (длинноногій паукъ), спуская свой ядъ въ пищу, образуетъ въ человѣкѣ, поѣвшемъ этой пищи, трикуртъ, т. е. глисты (въ буквальномъ переводѣ «трикуртъ» значитъ «живой червякъ»); послѣднихъ также выгоняютъ баксы. Одержимыхъ глистами они поятъ бѣленой (ак-дувана), и глисты, по ихъ мнѣнію, выходятъ наружу. Но такъ какъ киргизы вообще рѣдко страдаютъ глистами, то и джинны въ такой формѣ рѣдко вредятъ имъ.

Сношеніе и сообщество баксы съ джиннами и ихъ вызываніе не проходитъ для него безслѣдно, — обыкновенно бакса послѣ этого чувствуетъ себя усталымъ и разбитымъ. — Кромѣ лѣченія больныхъ, одержимыхъ различными болѣзнями, бакса предсказываетъ счастье и несчастье, узнаетъ будущее, отгадываетъ воровъ, указываетъ, гдѣ и какъ можно найти украденное и т. п. Во всемъ этомъ баксѣ помогаютъ его джинны. Изъ столь разносторонней дѣятельности баксы должно заключить, что джинны обладаютъ самыми разнообразными способностями, каковыя, во всей ихъ совокупности, и отражаются на дѣятельности баксы. Чѣмъ разнообразнѣе и многостороннѣе бываетъ дѣятельность баксы, тѣмъ онъ располагаетъ большимъ количествомъ джинновъ, и послѣдніе тѣмъ болѣе его слушаются и болѣе ему повинуются. Фокусы, которые баксы дѣлаютъ, между прочимъ, слѣдующіе: безъ вреда для себя бакса, въ присутствіи многочисленной публики, лижетъ раскаленный серпъ или ножъ, бросаетъ въ огонь халатъ и обратно вынимаетъ его цѣлымъ. Очевидцы рассказываютъ, что они на своемъ вѣку видѣли такихъ баксовъ, которые голыми ногами становились на раскаленный текмень или же на дно горячаго котла, и киргизы увѣряютъ, что будто бы есть и въ настоящее время такіе баксы, но уже мало; кромѣ того есть баксы, которые, въ присутствіи всѣхъ, прокалываютъ себя насквозь шпагой, проглатываютъ десятка два-три живыхъ змѣй и обратно ихъ вынимаютъ, а также даютъ перетягивать себя веревкой нѣсколькимъ человѣкамъ. Баксы, которые въ состояніи все это дѣлать, обладаютъ сильными джиннами; такіе баксы — истинные или настоящіе баксы. Такъ, у акмолинскихъ киргизовъ былъ знаменитый бакса Бала, который, какъ увѣряютъ очевидцы, могъ зарѣзать человѣ-

ка и опять сдѣлать его живымъ; въ настоящее время въ Акмолинскомъ же уѣздѣ, Мунглинской волости, есть бакса Днэй, который можетъ, будто бы, продѣлывать, какіе угодно фокусы. Такимъ образомъ бакса киргизскій — это нашъ знахарь, чародѣй, кудесникъ и прорицатель. Замѣчательно, что наружные признаки баксы соотвѣтствуютъ также нашимъ древнимъ кудесникамъ. Каждый бакса, какъ говорятъ, ведетъ болѣе или менѣе уединенный образъ жизни и держитъ себя всегда въ сторонѣ отъ другихъ; на видъ онъ серьезной или даже нѣсколько суровой наружности, чаще молчаливый, нежели разговорчивый, всегда сосредоточенный, держитъ себя скромно и съ достоинствомъ, ни въ какихъ веселыхъ играхъ и затѣлахъ никогда не участвуетъ. Окружающіе скорѣе его терпятъ и болѣе боятся, нежели уважаютъ; боятся потому, что бакса, владѣя и распоряжаясь способностями и знаніями своихъ джинновъ, можетъ накликасть на своихъ ближнихъ какое-либо несчастье, можетъ навести на нихъ какую-либо болѣзнь или даже сдѣлать кого-либо уродомъ или сумасшедшимъ. Къ баксѣ относятся, поэтому, осторожно, боясь возбудить къ себѣ его немилость и нерасположеніе. Зная такое отношеніе къ себѣ, и самъ бакса никуда не ходитъ незванный и является только тогда, когда его позовутъ или попросятъ прійти. Бакса никогда ничего не выпрашиваетъ за свои труды и всегда довольствуется только тѣмъ, что ему дадутъ; поэтому всѣ баксы живутъ небогато.

Достойно замѣчанія, что баксы могутъ передавать своихъ джинновъ по наслѣдству, отъ отца къ сыну, отъ послѣдняго къ его дѣтямъ и т. д. Передаютъ, что были нѣкоторыя семьи, которыя въ теченіе долгаго времени постоянно снабжали баксами своихъ единоплеменниковъ. Послѣ смерти своего прежняго владѣльца джинны ждутъ его три года, послѣ чего они уже переходятъ къ одному изъ его наслѣдниковъ. Очевидно, что въ данномъ случаѣ, подѣ наслѣдственной передачей джинновъ, слѣдуетъ разумѣть замѣченный киргизами переходъ отъ родителей къ ихъ потомкамъ такихъ особенностей и признаковъ, которыми характеризуется патологическое состояніе цѣлаго ряда семействъ. — состояніе, выражающееся наглядно, какъ въ одинаковыхъ физическихъ ихъ недостаткахъ или въ однихъ и тѣхъ же болѣзняхъ, такъ и въ ненормальныхъ отправленияхъ духовныхъ и моральныхъ ихъ силъ и способностей. Это подтверждается еще и тѣмъ, что не только общественное положеніе баксы незавидно, но въ одинаковой степени не пользуется также должнымъ вниманіемъ и семья, произведшая такого члена, -- на ней лежитъ печать всеобщаго пренебреженія и презрѣнія.

Въ прежнее время баксы пользовались у киргизовъ большимъ вліяніемъ; имъ, дѣйствительно, приписывали вышеописанныя чудодѣйственныя свойства, въ нихъ видѣли обладателей и носителей какой-то высшей силы, простымъ смертнымъ непонятной и недо-

ступной, почему въ нихъ и серіозно вѣрили; но въ настоящее время баксы утратили прежнее свое значеніе. Изъ причинъ этого явленія можно указать на слѣдующія: 1) нѣкоторые изъ киргизовъ вздумали эксплуатировать своихъ ближнихъ (продѣлывали это главнымъ образомъ неудачники въ жизни, которые, не будучи въ состояніи заработать себѣ насущный кусокъ хлѣба, избирали себѣ профессію баксы); 2) находились, какъ это и вездѣ бываетъ, разные пройдохи и лѣнтяи, которые, предпочигая жить на чужой счетъ, выдавали себя за баксовъ; 3) все болѣе и болѣе распространяющееся мусульманство, глубже проникающее въ сознаніе киргизовъ, также было причиной того, что вліяніе баксовъ значительно пало, и 4) сдѣлавшіяся частыми сношенія киргизовъ съ русскими также имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что вѣра въ баксовъ значительно пошатнулась.

Но несмотря на то, что баксы пали и потеряли свое прежнее вліяніе, самое вѣрованіе о джиннахъ нисколько отъ этого не утратило своего важнаго значенія, и въ жизни киргизовъ оно продолжаетъ занимать видное мѣсто.

Ө. Поярковъ.

(Продолженіе будетъ).

Пишпекъ.
20 дек. 1892 г.